

ЗЕЛЕНКО Борис Иванович – доктор политических наук, главный научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (117218, Россия, г. Москва, ул. Кржижановского, 24/45, стр. 5; b.i.zelenko@rambler.ru)

ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ КОНТЕКСТ ВЕРХОВЕНСТВА СОЦИАЛЬНОГО В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Аннотация. Статья посвящена верховенству социального с позиции принятия решений в новом формате. Основная задача статьи – раскрыть политико-правовую природу данной дефиниции как универсальной сущности, выраженной в общем благе. Автор приходит к выводу, что где нет верховенства социального, там нет справедливой социально-правовой государственности.

Ключевые слова: верховенство социального и права, экономический детерминизм, патернализм, алиенация (отчуждение), деалиенация (разотчуждение)

Понятие «верховенство социального» сугубо инновативно и сопряжено с своеобразным подходом к концепции социального. Отсюда закономерно выделение верховенства социального в онтологическую реальность с последующим представлением о его природе.

Данный тезис может показаться искусственным. На этом пути возможны парадоксы теории, подмена сущности видимостью, т.е. абсолютизация выдвинутой идеи. Однако мы не питаем иллюзии по поводу той идеи, которую продвигаем. В научной среде она уже давно требовала своего сущностного оформления. Прежде всего, это обусловлено разграничением понятия «социальное» и «общественное». Социальное – часть общественного, возникающая в результате социального взаимодействия.

Социальное в широком смысле, и это аксиома, охватывает и пронизывает все сферы человеческих отношений. Политические, правовые, экономические и др. отношения возникают в известных сферах жизнедеятельности и по поводу известных интересов и потребностей, причем предметом социального является не определенная сфера деятельности, а конкретно человек. Социальное возникает там, где человек не средство, а цель и высший смысл всех видов и форм деятельности. По мере становления правового государства и гражданского общества социальные отношения становятся приоритетными [Козырев 2007].

Согласимся с В. Бушуевым, что необходим новый подход к концепции социального, что связано с его приоритетами, прежде всего в контексте существующих политических реалий и их динамики. Для перехода от приоритетов удержания власти к приоритетам свободного сотрудничества необходима позиция, в которой словом «социальное» обозначается то специфическое в объекте, процессе или явлении, что составляет устойчивость самоорганизующейся системы, состоящей из людей. Социальные приоритеты обобщают моральные, политические, правовые, экономические и другие человеческие приоритеты, как объективные, так и субъективные, применительно к любому субъекту – от индивида до цивилизации.

Онтология верховенства социального основывается на его универсальной сущности, выраженной в общем благе. В итоге верховенство социального – направляющее начало развития любого современного государства, в т.ч. и России, что и отражено на схеме, приведенной на рис. 1.

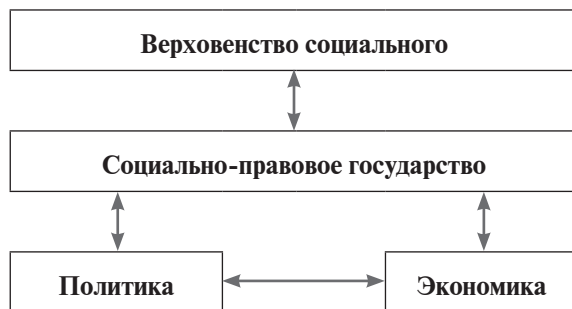

Рисунок 1. Верховенство социального в государстве

Сказанное свидетельствует о первичности верховенства социального над верховенством права. Право — часть социального, хотя общая история государства говорит об образовании социальной государственности после правовой.

Наука и практика следуют по пути баланса социального и правового статусов современного государства, хотя при этом возникает необходимость примирить две разные тенденции политико-правового устройства, своего рода «антиномии конституционно-правовой государственности» [Ахтенберг, Бадура и др. 1994: 58-59]. Именно асимметричность социальных прав и обязанностей породила особый статус государства как монопольного субъекта социального верховенства. В этом качестве государство получило особые права на перераспределение благ и тем самым приобрело специфическую функцию реального обеспечения формального равенства людей.

Как верно констатируют политологи, социальным может быть только правовое государство, т.е. такое, в котором механизмы господства права развиты настолько, что способны удержать «перераспределительный произвол» власти в жестких рамках, не дать правовому статусу государственности навредить ее социальному статусу. В социально-правовом государстве индивид сам несет ответственность за последствия своей социальной активности. Если он окажется в невыгодном положении, государство гарантирует ему лишь некий минимум социальных благ, поскольку обеспечение этого минимума не вредит гарантиям свободы, безопасности и собственности [Мень].

В правовой государственности верховенство правового закона выражается в основном в нормативно закрепленной справедливости. В социальной государственности этого нет и не должно быть в силу известных различий, что в грубом приближении и составляет реальное неравенство. С вопросом о взаимообусловленности социального и правового дело обстоит сложнее, особенно в его конкретике. Так, Л. Мамут считает, что процесс взаимодействия в рамках социальной деятельности современного государства не происходит. Черты обоюдности, взаимности с правом ей не присущи [Мамут 2001]. По-всякому описывают, объясняют и оценивают социальное государство, его задачи и формат, использованные ресурсы и применяемые способы, результативность и пр. В одних случаях ориентируются на уровень «достойный», в других — на «достаточный», в третьих — на «удовлетворительный», в четвертых — на «минимальный». Этот разноразный связан с тем, что универсальный стандарт жизни с заранее четко очерченными параметрами не существует.

При социальных отношениях никто не может получать нечто от других, ничего не давая взамен. Здесь Л. Мамут прав, но дальше он существенно корректирует свою позицию. Он утверждает, что взаимность обмена возможна в условиях пра-

вового государства, а не социального. Но почему именно правового? Ответ кроется в усеченности подхода к проблеме единства правового и социального. Свою аргументацию он строит на одностороннем движении потока благ к их получателям. Но почему именно благ?

Подтягивание более слабых индивидов к общему уровню стартовых возможностей может выражаться не только в предоставлении им определенных благ, но и в политике ограничения более сильных субъектов. Это должно быть не произвольным ограничением, продиктованным соображениями политической целесообразности или морально-нравственными идеями взаимопомощи. Оно направлено на обеспечение формального равенства субъектов правового и социального взаимодействия не путем благ, а путем преодоления действия принципа накапливаемого преимущества. Последнее означает, что преимущество более сильного с какого-то момента начинает возрастать независимо от его личных усилий [Лапаева 2008]. Следовательно, актуализация момента требует разработать некую регулятивную систему ограничений в отношении предпочтений более сильного.

Изложенное свидетельствует о диффундировании социального и правового и их взаимосвязи. Примером обратной связи социального обмена является индивид в новом качестве за счет преимуществ, а не только благ. Поэтому развитие социально-правовой государственности состоит в том, чтобы на каждом новом историческом этапе наполнить принцип формального равенства верховенством социального содержания.

Разработка и внедрение ограничений в отношении предпочтений более сильного минимизировало бы депривацию, смягчило дисбаланс социально-политического развития.

Мы исходим из гипотезы, что в современной России, как и в других государствах, находящихся в процессе поиска и внедрения инноваций во все сферы жизнедеятельности социума, социальная составляющая является ведущей в легитимации власти [Быков 2011: 3; Красин 2006]. Усилило бы это положение и то, что именно верховенство социального является основным приоритетом в легитимации власти. Отсюда политика нивелирования социального, т.е. реального неравенства, должна стать ведущей для российского социально-правового государства на всех уровнях. Его эскалация актуализирует проблему перед политологами, правоведами и политической социологией.

Несправедливость (реальное неравенство) социально-правового государства в политологическом смысле является политической проблемой разрушения формального равенства и социального неравенства. Причина — в девальвации социальной справедливости, дисфункции, неэффективности каналов вертикальной социополитической мобильности и деятельности государственных институтов власти. Недооценка властью верховенства социального, принятие политических решений вне социальных экспертиз, отсутствие институционализированных регулятивов социально-правовой и политической оценки власти, отсутствие стратегии и модели верховенства социального свидетельствует о дисфункции социально-правовой российской государственности. Между тем конституционно она провозглашена социально-правовой, что аксиологически свидетельствует о сути государства как справедливого [Зеленко 2010].

В балансе взаимодействия социального и правового главенство отдается социальному. Политика государства, в свою очередь, строится в соответствии с этим балансом. Политические отношения — это отношения по поводу власти, причем власти политической, поскольку она шире государственной и используется не только в интересах каждой из представительных социальных групп, но и государства в целом. С точки зрения динамики политические отношения как дея-

тельный функционал проявляются в двух формах бытия политики. Это политическая деятельность как выражение динамизма политических отношений, их зависимости от социальных условий людей, и политическая организация, имеющая собственную структуру политических отношений, которые формируются посредством норм и правил.

Отсюда важна корреляция социального с политикой, пронизывающая политические отношения, в целях обеспечения солидарности в обществе, сотрудничества различных слоев социума, реализации принципов социальной справедливости. Это сочетается с максимой Г. Риттера относительно социального государства как интеграции народа посредством социальной защиты.

Приведенная модальность имеет свою успешную эмпирику в развитых странах Запада. Это подтверждается активным импортом российскими политологами идей и практики различных моделей социального государства. По В.М. Межуеву, чтобы сравнить себя с Европой, даже в пользу последней, надо в каком-то смысле уже быть Европой, осознавать свое родство с ней. Он утверждает: «Диалог России с Европой рождался из потребности ответить на вопрос, какова степень этого родства (родства, разумеется, культурного), кто она Европе – мать, сестра или более отдаленный родственник. <...> Не в Европу надо стремиться России (и не противопоставлять себя ей), а вместе с ней в цивилизацию, которая базируется на общих с Европой основаниях. Не европейцами или американцами должны стать русские, а теми, кто, оставаясь собой, может жить вместе со всем цивилизованным человечеством» [Межуев].

Важно при этом учитывать систему достаточных условий, обеспечивающих цивилизованную политику, т.е. систему гарантий, при которой государство и его политика становятся ресурсом, источником возможностей социальных взаимодействий.

Дилемма непростая: либо государство станет способствовать субъектам социальной политики в их взаимодействиях, либо оно начнет подменять этих субъектов и решать социальные проблемы вместо них. Стать ресурсом цивилизованной социальной политики и взять на себя решение этих проблем – не одно и то же. Демократическое государство становится ресурсом, недемократическое – «берет на себя». Суть ресурса эффективной социальной политики не только в обязательствах, ответственности, но и в динамике социально-политических возможностей, что основано на понимании потребностей социума. У социальных возможностей есть период, когда социальное государство способствует максимуму благ для социума до того момента, когда возникнут обстоятельства, снижающие ценность этого блага [Волгин 2003: 104].

Известно, что данная цикличность социального развития на Западе и в РФ разновекторна. На Западе оно базируется на экономических преобразованиях, в РФ – на известном ресурсе, причем последний выступает как политическая детерминанта социоэкономического развития. Он капитализировал и социализировал патернализм в РФ. Его ослабление повлияло на характер патерналистской российской власти. В этом смысле меняются тренды развития: патернализм сдает свои позиции «экономическому детерминизму», направленному на сокращение социального в РФ.

Надо признать, что в РФ это всего лишь часть процесса, происходящего с социальной государственностью в мире. В большинстве своем социальное государство ужимается как шагреновая кожа, как следствие, сокращается численность среднего класса.

Неолиберальный рынок не самодостаточен как социальная система, он не производит собственные стабилизаторы, эффективные механизмы социального и культурного воспроизводства. Его цель – свободный рост капитала, и поэтому

превращение рынка во всеобщее социальное отношение не нуждается в социокультурных рамках. Напротив, он способен разрушить любые рамки и ограничения [Очкина 2014: 184].

В политологии давно замечено, что возможность социального компромисса в заданных неолиберальным рынком ограничениях исчерпана. И социальное государство, система образования, здравоохранения, наука и культура под воздействием противоречий своего развития утрачивают эффективность и жизнеспособность.

Социальная сфера воспринимается неолиберальными политиками как затратный навес над экономикой, в лучшем случае – как неизбежное зло [Очкина 2014: 184]. Поэтому экономический детерминизм «придумывает» свои организационные формы. К примеру, адресная помощь, где строго определяются адресаты и не дается ничего лишнего. Согласимся с С.А. Очкиной, усмотревшей в подобного рода помощи иждивенство. Это маргинализирует целые слои населения, что провоцируется усеченным характером социального обеспечения; способствует закреплению и воспроизводству бедности. Последняя становится своего рода профессией, являясь единственным источником заработка и стилем жизни. Человек или семья должны доказывать свою бедность и т.д.

Данный подход противоречив: если российское социальное государство является конституционной нормой, то в других официальных документах, определяющих будущую стратегию, провозглашается отказ от патернализма в пользу создания «субсидиарного» государства в форме адресной помощи. Устранение этого противоречия заключается в возврате социального государства как не только правовой нормы жизни. Необходима замена услуг социальными правами разной степени доступности. В настоящий момент они политически отчуждаются посредством «экономической детерминации», вследствие чего динамика связки политических отношений с социальным зачастую блокируется.

В нашем случае имеется в виду политическое отчуждение, что предполагает политическую аномию, недостаток социально апробированных норм человеческого существования и власти. Стремление к этим нормам и есть преодоление отчуждения, т.е. деалиенация. Поэтому смысл политической деалиенации состоит в формировании оптимума социально апробированных нормативов в сфере политических отношений. В нашем случае социальные нормативы и есть так называемые деалиенаторы в преодолении политического отчуждения. В социальной жизни отчуждение российской власти и социума латентно сохраняется и, как было показано, даже прогрессирует. Как следствие, в РФ открыт вопрос о верховенстве социального: чем развитее социальные нормативы разотчуждения, тем больше объем верховенства социального, а отсюда – консолидации власти и общества.

В этом заключается наша основная идея, детерминирующая известные социополитические ожидания. Однако качество политических отношений свидетельствует о кризисе ожидания. Гиперболизация политики, пронизывающая всю внутреннюю жизнь страны, трансформировалась вместо экономической в политическую экспансию. Произошел существенный перекокс не в пользу социального. И аналогичные тренды характерны не только для РФ.

Ф. Фукуяма в статье «Америка в упадке. Источники политической дисфункции» пошел еще дальше [Фукуяма 2016]. Политический упадок, по его мнению, происходит, когда учреждения не в состоянии адаптироваться к меняющимся внешним обстоятельствам либо из-за интеллектуальной негибкости, либо из-за власти нынешних элит, стоящих на защите своих позиций. Упадок может сокрушить любой тип политической системы – авторитарный или демократический. Многие политические институты становятся все более дисфункциональными,

и нет никакой гарантии, что ситуация изменится без значительного потрясения для политического порядка. Он отмечает, что во Франции и Германии на первом месте был закон, затем — современное государство, и только потом — демократия. В США, напротив, на первом месте стояло право, затем демократия и лишь потом — современное государство.

В РФ на первом месте находится государство, затем закон, потом демократия. И это симптоматично в контексте нашей темы. Так, отношение к государству, президенту и к остальной власти разнятся весьма существенно, что напоминает некую ловушку в сфере политических отношений. С одной стороны, россияне чаще всего убеждены: все, что делают власти, вроде бы разумно, но разумно ли по отношению к ним? С другой — глава государства декларирует ожидаемые народом обещания, а правительство по известным причинам не в состоянии их выполнить. Мы не прибегаем к резкой метафоре Фукуямы о наличии политического упадка. В РФ его вроде бы нет. Мы только фиксируем некую политическую «ненормальность». Характерным примером являются инициативы власти по постоянному расширению налоговой сферы, в то время как народ считает, что налоги используются неэффективно. Казалось бы, частность, но она может существенно повлиять на дисфункцию власти. Можно расширить подобного рода несогласие с правилами жизни, которые продуцирует власть. Так, ряд принятых законов свидетельствует, что нормотворческая деятельность законодателя — неправовая, т.е. зачастую несправедливая. И речь идет не столько о правосознании и правовой культуре, сколько о социальном выживании людей (неправовая приватизация и плоская шкала налогообложения, заслон из неправовых законов в проведении референдумов и т.д.).

Путь, кажется, один: к новой «нормальности» в функционировании социального государства. Термин этот — политико-экономический. От себя добавим: к новой политической нормальности через расширение участия, процедуры и прозрачности. Правовой статус российского государства необходимо наполнить верховенством социального. Отсюда важна разработка системы ограничения преимуществ более сильного, которые начинают умножаться с определенного времени независимо от его личных усилий.

Развитие новой «нормальности» социального государства лежит через культивирование ответственности за допущенную в нем «ненормальность», причем ответственности социальной. Ее распространенное понимание заключается в ответственности перед людьми за данные им обещания (обязательства) и охватывает остальные виды ответственности. Поэтому социальная ответственность по своей сущности как бы смыкается с верховенством социального в его всеохватности, втягивая в свою орбиту политическую, правовую, моральную и корпоративную ответственность.

Надо признать, что фиксация данной ответственности отсутствует вследствие вакуума соответствующих практик. Из-за сокращения социальных нормативов растет политическое отчуждение, при котором социум находится в закономерном недоумении от таких решений субъекта власти. Объект лишь осуществляет контекст собственной социальной жизни при той или иной власти, причем старается жить в рамках социальной ответственности, в отличие, зачастую, от субъекта. Это объясняется сменой систем в РФ с государственного патернализма на государственную субсидиарность через механизм экономического детерминизма.

Социальная ответственность теоретически опредмечена. Но в практическом виде она не очерчивается эмпирическими рамками. Причина заключается в отсутствии, в отличие от ряда зарубежных стран, кодифицированного социального законодательства, в частности Социального кодекса и т.п.

Другое дело — ее подвид, политическая ответственность. Преодоление экономического детерминизма, политической алиенации (отчуждения), становление института политической ответственности составляет вектор развития верховенства социального. Преодоление экономического детерминизма, политической алиенации (отчуждения), становление института политической ответственности составляет вектор развития верховенства социального.

Современное осмысление идей, приобретающих форму идеологием, специфично. Одни отстаивают архаичное и антиконституционное постулирование государственной идеологии. У других — более продвинутая позиция, направленная на процесс локализации и ревизии различных партийных идеологием. Их цель — нахождение некоего компромисса между этими идеологиями и их носителями. Однако в этой сфере существуют постоянные противоречия. Как перевести формат обсуждения и согласования в формат принятия решений? Выход на консенсус различных идеологий заключается в нахождении в политическом функционале общих точек согласия. Именно концепт о верховенстве социального примирил бы позиции различных политических акторов. Разве не в этом реальная солидаризация идей?

Именно верховенство социального как человекоразмерная социальная государственность выступило бы интегратором разных политических взглядов.

Список литературы

Ахтенберг Н., Бадура П. и др. 1994. *Государственное право Германии*. Т. 1. М.: Институт государства и права РАН. 312 с.

Быков Д.А. 2011. *Государственная политика минимизации социального неравенства в современной России*. М. 159 с.

Волгин А. 2003. *Социальная политика: учебник*. М.: Экзамен. 735 с.

Зеленко Б.И. 2010. Правовой этатизм как *modus vivendi* РФ (взгляд через кризис). — *Вопросы философии*. № 4. С. 11-21.

Козырев Г.И. 2007. *Основы социологии и политологии: учебник*. М.: ИД «ФОРУМ»; ИНФРА-М. 240 с. Доступ: <http://all-politologija.ru/knigi/osnovy-sociologii-i-politologii-kozyrev> (проверено 04.11.2017).

Красин Ю.А. 2006. Социальное неравенство в политическом измерении. — *Свобода мысли*. № 2. С. 32-45.

Лапаева В.В. 2008. Правовой принцип формального равенства. — *Журнал российского права*. № 2. С. 67-80.

Мамут Л.С. 2001. Социальное государство с точки зрения права. — *Государство и право*. № 7. С. 5-14.

Межуев В.М. Россия и Европа: возможен ли диалог? Доступ: https://studopedia.ru/12_10947_globalnoe-i-lokalnoe-natsionalnoe-v-sovremennom-mire.html (проверено 03.11.2017).

Мень И. Взаимообусловленность и соотношение понятий «правовое государство» и «социальное государство». Доступ: <https://refdb.ru/look/2389995.html> (проверено 03.11.2017).

Очкина А. 2014. Новое социальное государство как модель посткризисного развития. — *Логос*. № 2. С. 181-214.

Фукуяма Ф. 2016. Америка в упадке. Источники политической дисфункции. — *EurAsia Daily*. 12.12. Доступ: <https://eadaily.com/ru/news/2016/12/12/frensis-fukuyama-amerika-v-upadke-istochniki-politicheskoy-disfunkcii> <https://eadaily.com/ru/news/2016/12/12/frensis-fukuyama-amerika-v-upadke-istochniki-politicheskoy-disfunkcii> (проверено 11.02.2017).

ZELENKO Boris Ivanovich, Dr.Sci. (Pol.Sci.), Chief Researcher, Institute of Sociology, FCTAS RAS (bld. 5, 24/45 Krzyzanovskogo St, Moscow, 117218, Russia; isras@isras.ru; Zelenko5@rambler.ru)

POLITICAL AND LEGAL CONTEXT OF THE SUPREMACY OF SOCIAL IN MODERN RUSSIA

Abstract. *The article is devoted to the supremacy of the social from the position of decision-making in a new format. The main task of the article is to reveal the political and legal nature of this definition as a universal essence expressed in the common good. The author concludes that where is no supremacy of the social, there is no fair social and legal statehood.*

Keywords: *supremacy of social and law, economic determinism, paternalism, aliens (alienation), de-aliens*

САВЧЕНКО Ирина Александровна — доктор социологических наук, профессор кафедры философии, социологии и теории социальной коммуникации Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова (603155, Россия, г. Нижний Новгород, ул. Минина, 31а); профессор кафедры психологии и педагогики Нижегородской академии МВД России (603144, Россия, г. Нижний Новгород, Анкудиновское ш., 3; teostaco@rambler.ru)

УСТИНКИН Сергей Васильевич — доктор исторических наук, профессор, декан факультета международных отношений, экономики и управления, профессор кафедры международных отношений и политологии Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова (603155, Россия, г. Нижний Новгород, ул. Минина, 31а); директор Приволжского филиала Института социологии РАН (603000, Россия, г. Нижний Новгород, пер. Холодный, 4; sv.ustinkin@gmail.com)

НАУМОВ Сергей Иванович — преподаватель кафедры психологии и педагогики Нижегородской академии МВД России (603144, Россия, г. Нижний Новгород, Анкудиновское ш., 3; nsi-2011@yandex.ru)

КОНЦЕПТ ПОМОЩИ В КОНТЕКСТЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ ТРУДОВОГО МИГРАНТА В РОССИЙСКОМ РЕГИОНЕ

Аннотация. *В статье авторы исследуют социальную готовность российских граждан к помощи, в частности к помощи мигрантам в их социальной и лингвокультурной адаптации в российском регионе. Они отстаивают мнение, что социальная готовность помогать является абсолютной категорией и в незначительной степени зависит от объекта помощи.*

Ключевые слова: *помощь, социальная готовность, альтруизм, трудовой мигрант, лингвокультурная адаптация, налогоплательщик, абсолютная категория*

Целью настоящей статьи является определение социальной готовности наших сограждан к помощи, а именно к содействию мигрантам в их лингвокультурной адаптации в российском регионе. При этом предполагается, что помощь является вполне конкретной, в определенной степени диверсифицированной категорией современного социально-философского дискурса, в которой нравственная составляющая объективно связана с материальной.

Мировоззренческие аспекты коннотации концепта «помощь» в российском обществе раскрыты И.А. Треушниковым [Треушников 2012]. Его психолого-педагогические стороны наиболее подробно изучены Н.А. Сенченко [Сенченко